

НАЦИОНАЛЬНОЕ БЫТИЕ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ МИРЕ НИКОЛАЯ РУБЦОВА

© А.В.Фролова

В статье рассматривается специфика художественного отражения национального бытия в поэтическом творчестве Николая Рубцова.

Ключевые слова: "тихая лирика", Николай Рубцов, художественный мир, национальное бытие, образ родины.

Николай Рубцов – признанный лидер одного из направлений в поэзии второй половины XX века, которое он сам метафорически точно определил как "тихую лирику". Надо сказать, что само понятие "тихой поэзии" еще не обрело устойчивого смыслового наполнения. В.Мусатов ее отличительной чертой называет "апелляцию к общенациональному сознанию" [1]. В.Бараков предлагает говорить о "почвенном" направлении в поэзии XX века, считая его ядром "единую проблематику творчества, общую систему ценностей" авторов [2]. Ряд исследователей существенной характеристикой "тихой лирики" считают ее пафос: "элегическую лиричность", "утонченность" и "безыскусность" (В.Бондаренко) [3], "тихое лиричное состояние" (В.Бараков) [2], "спокойное и грустное раздумье" (В.Кожин) [4], "углубленный сосредоточенный лиризм" (А.Киров) [5], а также особенности поэтики – приверженность традиционным стихотворным размерам, простоту поэтического синтаксиса, отсутствие нарочитой метафоричности, спокойствие интонаций. Общим для всех позиций, пожалуй, можно считать утверждение о философском характере "тихой лирики", связанном с попытками "осмыслить мир в его современных взаимосвязях на ином уровне – уровне философской мысли" [6: 143-144].

Обозначенные позиции литературоведов отражают историю осмысления понятия "тихая лирика". Самое важное определение, на наш взгляд, принадлежит В.Мусатову, отметившему ориентацию "тихих" поэтов на "общенациональное сознание" [1]. Следует добавить, что обращение к основам национального бытия состоит не только в выявлении внешних примет родины (пейзажных картин, примет быта), но и – главное – в определенном типе переживания национальной истории, ее особенностей.

Сам Н.Рубцов в предисловии к рукописи сборника "Волны и скалы" так обозначил круг главных для себя тем: "Особенно люблю темы родины и скитаний, жизни и смерти, любви и

удали", а силу и долговечность поэзии связал с сопряженностью в ней "личного" и "частного" с "масштабностью и жизненной характерностью настроений, переживаний, размышлений..." [7: 388]. Уже в начале 1960-х годов он пишет ряд стихотворений, где центральный, заглавный для него образ России предстает масштабным, многогранным, глубоко прочувствованным, лирически проникновенным. "Родина для Н.Рубцова – это идеал святости, т.е. идеал неизменный, нравственный и эстетический. И выражен он не в понятии только "малой родины", о котором было принято говорить до недавнего времени, а России как символа общенационального единения. Вся остальная символика его поэзии "работает" на этот центральный образ, ставший по сути собирательным" [8].

Для анализа выбраны два стихотворения Н.Рубцова "Видения на холме" и "Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны...". Стихотворение "Видения на холме" (1962) вошло в сборник "Лирика" (1965), стихотворение "Я буду скакать на холмах задремавшей отчизны..." написано в 1963 году и было включено в поэтический сборник 1967 года "Звезда полей". На наш взгляд, оба стихотворения вполне репрезентативны: у них общая тема, проблематика, образная структура, в обоих присутствует пейзажное полотно, дана "историческая ретроспекция, открывающая эпическую панораму национального бытия" [9].

Необходимо отметить, что стихотворение "Видения на холме" представляет собой переработку стихотворения 1960 года "Видения в долине", вошедшего в машинописный сборник поэта "Волны и скалы" (1962). В.Зайцев отмечает более четкую композиционную и стилистическую выстроенность второй редакции художественного текста [10: 41]. Е.Иванова, проследив эволюцию текста стихотворения, отметила, что "в окончательном варианте Н.Рубцов убирает многие конкретные исторические реалии ("засвищут стрелы, будто наяву", "блеснет в глаза кривым

ножом монгола")", снимает и "некоторые отвлеченно-риторические вопросы и восклицания, относящиеся к современности ("Но кто там снова / звезды / заслонил? / Кто умертвил цветы твои и тропы?")" [11: 118-119].

Кроме того, следует отметить и то, что поэт значительно уменьшает число знаков смерти и неблагополучия ("кони без седоков", "суматошный крик бестолковый", "мельканье тел, мечей и кулаков", "кровавые потопаы"), приглушает исторический контекст ("бег татар на поле Куликовом", "бунты бедноты", "бунтарский свист разбоя"). В "Видениях на холме" указанные конкретно-исторические приметы объединяются с природными и бытовыми реалиями России: "леса", "избушки", "шепот ив у омутной воды". Кроме того, снимается разбивка лесенкой, таким образом, перечисленные Н.Рубцовым приметы родной стороны уравниваются в значимости.

Герой в лирике Н.Рубцова наделен уникальной в своем роде памятью о былых временах, ему дано "чувство древности земли". В стихотворении "Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны..." он выступает в образе "таинственного всадника", "неведомого сына удивительных вольных племен", "неведомого отрока", которому открыта таинственная глубина мира, взволнованная, "не угасающая", потаенная энергия родного края. Герой скачет не только "по холмам задремавшей отчизны", "под куполом синих небес", но и "по следам миновавших времен" – пространство и время, природа и история соединяются в образе родины. В художественном мире поэта родина определяется как "задремавшая", т.е. она таит историю, помнит о том, что было. Н.Рубцов предлагает свою форму философского размышления о жизни родины – "видение" как созерцание, форму вчувствования в мир, путь к пониманию национального сознания.

В названиях выбранных стихотворений присутствует один из базовых образов лирики Н.Рубцова – холм. Образ холма имеет множественные смыслы в культуре: это и типичный русский пейзаж, и рельеф местности, и место строительства городов (Москва, Рим стоят на семи холмах), и форма строительства домов (образ дома, напоминающего холм или гору, возник из желаний архитектора максимально приблизиться к природному окружению, раствориться в нем), и место для молитвы в первые времена рода человеческого и постройки храмов, и литературный образ (былины, "Слово о полку Игореве" и др.), и финал отдельной жизни человека (могильный холм) и пр.

В лирике Н.Рубцова мир открывается герою на расстоянии: ему нужно проделать путь вверх

("взбегу на холм") или "скакать по холмам". Пребывание на холме позволяет герою ощутить потаенность родины, соединение в ней времен – "былой Руси" и сегодняшнего дня. Холм становится знаком самой земли, пространством жизни родины. "Древность" России открывается герою в состоянии созерцания ("Никто меж полей не услышит глухое скаканье, / Никто не окликнет мелькнувшую легкую тень"), открывается неожиданно, что подчеркнуто повтором слова "вдруг": "вдруг" "повеяло древностью", "вдруг" возникли "картины грозного раздора". Полнота включения в прошлое родины обуславливает характерное для лирики Н.Рубцова смешение состояний сна и яви.

Ситуация неразличения реального и кажущегося усилена эпитетом "пустынный", присутствующим в обоих стихотворениях: "пустынный свет на звездных берегах" и "пустынно мерцает погасшая звездная люстра". Интересно, что эпитет "пустынный" не присутствовал в стихотворении "Видения в долине". Можно отметить несколько смыслов образа пустыни. "На первый план в характеристике пустыни выдвигаются пустота и связанная с ней бесконечность" [12: 149]. Поскольку определение "пустынный" стоит в одном ряду с образом "звездного берега", отмечающего пространственную протяженность, и "звездной люстры", показывающей духовную вертикаль, то можно говорить о бесконечности мира, сочетании у Н.Рубцова "высоты с глубиной, взаимно сопряженных, соразмерных" [13: 204].

У образа пустыни есть особый "акустический код": "она включена в ряд пространств, обладающих способностью резонанса, откликающихся на совершающиеся в их пределах события" [14: 90-91], "предрасполагает к возникновению в ней разнообразных звуковых фантомов, которые приводят в действие воображение" [14: 92]. Вместе с тем пустыня не привносит искажений, что "позволяет ей выступать в роли критерия истины", причем "она усиливает эту истину <...> может сделать ее доступной" [14: 93]. Таким образом, подобное "пустынное" состояние мира свидетельствует о его прозрачности, открытости лирическому субъекту, позволяет субъекту услышать "голос удачи капризной".

"Видения" лирического субъекта эпичны: в них соотносятся сегодняшний день и прошлое, современность и история, миг и вечность. Мир подобен таинственным письменам, он "сказание древних страниц", вобравших в себя вековые грани народного опыта. Происходит приобщение лирического субъекта к родовой памяти, воплощенной в сакральных пространствах и знаках

природного космоса: "леса", "погосты", "молитвы", "белые церкви", "долы", "весенние воды", "цветы", звезда, лодка, ива, соловьи, – все это не просто словесные обозначения и реальные приметы жизни, близкой природе, но и своего рода символы, носители ее вечной ценности и красоты.

Интересно отметить и то, что в художественном мире Н.Рубцова временной диапазон обозначен разными именованиями родины – "Россия" и "Русь". Они разведены во времени (Русь древнее), однако аксиологически равноправны. Так, в стихотворении "Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны..." лирический субъект, пребывая в движении "по холмам" родины, видит и "храм старины", воплощенный в образах "растоптанной царской короны" и "разрушенных белых церквей" и пропавший, "как виденье"; и реалии не столь далекого прошлого: "звуки гармошки", пляшущего "председателя" с "лучшей жницей" на руках. В стихотворении "Видения на холме" мотив "грозного раздора" связан не только с фигурой отдаленного по времени "скуластого Батя", но и с образами "иных времен татар и монгол", "опять" нагрянувшими в "леса и доли", а названия "Россия" и "Русь" дважды объединяются в одной поэтической строке. Это свидетельствует о неразрывной связи настоящего и прошлого в художественном мире Н.Рубцова, в котором Россия органично вбирает в себя "старину".

Полнота личностного переживания героем Н.Рубцова родины далека от идиличности. История России в изложении поэта представляется развернутой картиной потрясений, как реально произошедших, так и потенциальных. Кульминация стихотворения "Видения на холме" – строка "Россия, Русь! Храни себя, храни!" – своеобразное завещание поэта, в нем отчетливо различимы интонации предостережения: "Россия, Русь! Храни себя, храни! / Смотри, опять в леса твои и доли / Со всех сторон нагрянули они, / Иных времен татары и монголы. / Они несут на флагах чёрный крест, / Они крестами небо закрестили, / И не леса мне видятся окрест, / А лес крестов / в окрестностях / России... / Кресты, кресты..." [7: 21].

Центральным знаком, передающим нарастающую тревогу лирического субъекта, становится крест. Исследователь Е.Иванова рассматривает его "как один из центральных символов православия, означающий веру, терпение и воскресение. Это также и могильный крест, акцентирующий внимание на жертвах и разорении православной родины" [11: 151]. В.Зайцев, не отрицая трактовку Е.Ивановой, выделяет в знаке

креста "память о гитлеровском нашествии со свастикой на флагах и броне" [10: 47]. На наш взгляд, конкретно-исторический смысл, выделенный В. Зайцевым, в большей степени отражает понимание знака креста Н.Рубцовым. С Е.Ивановой трудно согласиться, так как начало 1960-х годов – время первого приближения Н.Рубцова к религиозной символике, поэт только начинает восстанавливать утраченные знаки веры, пытается наметить путь к познанию этой стороны национального бытия. Он понимает, что возвращаться к утерянной духовности очень трудно, что обезбоженный мир лишен вертикали, разрушает память. Формой существования героя Н.Рубцова становится путь как готовность принимать испытания, вызовы истории.

В стихотворении "Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны..." тревога лирического субъекта вызвана страхом утраты "таинственной силы" мира: "Боюсь, что над нами не будет возвышенной силы, / Что, выплыв на лодке, повсюду достану шестом, / Что, все понимая, без грусти пойду до могилы... / Отчизна и воля – останься, мое божество! / Останьтесь, останьтесь, небесные синие своды! / Останься, как сказка, веселье воскресных ночей! / Пусть солнце на пашнях венчает обильные всходы / Старинной короной своих восходящих лучей!.." [7: 12].

Анафора и лексический повтор придают строкам интонацию заклинания, передают эмоциональную взволнованность героя. Частичное разрушение исторически сложившейся культуры ставит под сомнение сохранность родины. Важным представляется мотив движения, заявленный в стихотворении: "буду скакать". Он отражает особенности переживания лирическим субъектом себя как части национального единства. Герой готов преодолевать забвение, вернуться к тому, что было дорого предкам, восстановить утраченные онтологические связи.

Противовесом энтропии в лирике Н.Рубцова выступают незыблемые духовные основания России: над героем "бессмертных звезд Руси, / Спокойных звезд безбрежное мерцанье". И.Шайтанов отмечает свойственную поэту "резкость поэтического хода от "таинственной силы" к делам повседневным, которые утрачивают смысл лишь только в том случае, если они отлучены от какого-то несиюминутного высшего порядка" [13: 208]. Это свидетельствует о том, что герой Н.Рубцова находится на грани бытового и бытийного, поэтому в стихотворении "Видения на холме" он легко переходит от созерцания панорамы национальной истории к бытовым картинам: "...смирно на лугу / Траву жуют стреноженные кони". Стремление вчувствоваться в

мир, включиться в жизнь родины предполагает равное внимание к онтологическому и бытовому.

Так, Н.Рубцовым осознана трагическая отъединенность себя, своего современника от того, что хранит память родины, в художественном мире поэта "осуществляется прозрение вселенской оси индивидуального и национального бытия" [9]. Поэт возвращается к национальному видению родины, подразумевающему ощущение человеком себя как части исторической общности. Переживание национального бытия объединяет и разрушение, и стремление "тихой лирики", и Н.Рубцова в частности, уклониться от него и восстановить утраченную онтологическую связь с родиной.

1. Мусатов В.В. Проблема художественных традиций в современной лирической поэзии 50-х-начала 70-х годов: Дис. ... канд. филол. наук. – Л., 1978. – 255 с.
2. Бараков В.Н. "Почвенное" направление в русской поэзии 50-60-х годов (идейно-эстетические искания, эволюция, тип лирического героя). – Вологда: Русь; ВГПУ, 2004. – 268 с.
3. Бондаренко В. Лирический жест Владимира Соколова // URL: <http://www.zavtra.ru/denlit/091/81.htm/> (дата обращения 23.04.2011).
4. Кожин В.В. Николай Рубцов. Заметки о жизни и творчестве поэта. – М.: Сов. Россия, 1976. – 88 с.
5. Киров А. Лирический роман в поэзии Н.М.Рубцова: Дис. ... канд. филол. наук // URL:

<http://rubtsov.id.ru/critica/kirov3.htm> (дата обращения 23.04.2011).

6. Подкорытова Т.И. Лирика Николая Рубцова и художественные искания советской литературы в 60-70-е годы: Дис. ... канд. филол. наук. – Л., 1987. – 193 с.
7. Рубцов Н.М. Видения на холме: Стихи, переводы, проза, письма. – М.: Сов. Россия, 1990. – 400 с.
8. Бараков В.Н. Отчизна и воля: Книга о поэзии Николая Рубцова // URL: rubtsov.id.ru/knigi/barakov16.htm (дата обращения 23.04.2011).
9. Ничипоров И.Б. Русский огонек (Родное и вселенское в поэтическом мире Н.Рубцова) // URL: www.portal-slovo.ru/philology/37233.php (дата обращения 23.04.2011).
10. Зайцев В. Николай Рубцов: в помощь преподавателям, старшеклассникам и абитуриентам. – М.: Моск. гос. ун-т, 2002. – 88 с.
11. Иванова Е.В. "Мне не найти зеленые цветы..." (Размышления о поэзии Н.М.Рубцова). – М.: Прометей, 1997. – 195 с.
12. Нагина К.А. Лики пустыни в повести Л.Толстого "Казачьи" // Универсалии русской литературы. – Воронеж: Воронеж. гос. ун-т; Издател. дом Алейниковых, 2009. – С.149-175.
13. Шайтанов И. Поэт из Вологды: Николай Рубцов в традициях русского стиха // Дело вкуса. Книга о современной поэзии. – М.: Время, 2007. – С.199-223.
14. Козюра Е.О. Топос пустыни в русской литературе XVIII века // Универсалии русской литературы. – Воронеж: Воронеж. гос. ун-т; Издател. дом Алейниковых, 2009. – С.90-102.

NATIONAL LIFE IN THE ARTISTIC WORLD OF NIKOLAY RUBTSOV

A.V.Frolova

The article is devoted to the representation of national life in the poetic works by Nikolay Rubtsov.

Key words: "the silent lyrics", Nikolay Rubtsov, artistic world, national life, image of the native land.

Фролова Анна Васильевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы XX века Воронежского государственного университета.

E-mail: frolova-anna2008@yandex.ru

Поступила в редакцию 17.05.2011